

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

ПОСТПОЗИТИВНОЕ *-ТЬ, -ТА, -ТО* В ДРЕВНЕРУССКОМ И ДРЕВНЕБОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

З.К.Сабитова

Алматы, Республика Казахстан

Summary: The article deals with the history of the postpositive *-ть* in the Old Russian and Old Bulgarian languages. Its status (particle, member) is defined, functions and meaning are characterized.

Изучение категории определенности/ неопределенности в диахроническом плане немислимо без обращения к такому своеобразному языковому явлению, как употребление постпозитивного *-ть, -та, -то*. Еще М.Г.Халанским в 1901 году отмечалось, что история члена постпозитивного *-ть* в русском языке представляет несомненный интерес как для общей истории русского языка и отношений между его древними и новыми говорами, так и для выяснения вопроса о происхождении членных форм в болгарском языке, а также для сравнительного синтаксиса члена в славянских и неславянских языках [Халанский 1901: 127].

Обращение к отмеченной проблеме необходимо еще и в связи с тем, что анализ постпозитивного *-ть*, артиклей в истории языка (древнерусского, древнеболгарского, древнегреческого) поможет сделать некоторые общие выводы о функционировании реальных и потенциальных артиклей в славянских языках, что важно с типологической точки зрения, к тому же это поможет обстоятельно описать категорию определенности/ неопределенности в формальном и содержательном аспектах как в артиклевых (болгарском, македонском языках, родопских диалектах), так и в безартиклевых славянских языках [см.: Толстой 1962, 1973; Йорданиди 1978: 168-169].

В лингвистической литературе отмечается, что постпозитивное *-ть* восходит к общеславянскому указательному местоимению **ть* [Андрейчин 1949; Miklosich 1883; Толстой 1962, 1973; Черных 1927; Милетич 1901, 1933; Чичагов 1939; Йорданиди 1978; Кодухов 1953; Халанский 1901; Элсберг 1967; Иванов 1898; Обнорский 1946 и др.].

Однако среди исследователей нет единого мнения относительно языкового статуса *-ть* в безартиклевом древнерусском языке, в северно-великорусских говорах, в языке русских былин, в русской разговорной ре-

чи. Это обуславливает и разнообразное терминологическое обозначение этого явления в русском языке: член, постпозитивный член (М.Г.Халанский, Н.И.Толстой, Н.П.Гринкова, П.Н.Черных), постпозитивное *-т* (С.И.Иорданиди, В.И.Кодухов), постпозитивная частица (В.И.Кодухов, А.А.Потебня, Л.А.Булаховский, А.А.Шахматов, П.Я.Черных), артикль (С.И.Иорданиди, В.Иванов), местоимение (Л.П.Якубинский, И.Я.Элсберг).

Таким образом, возникает вопрос, что представляет собой постпозитивное *-ть* в древнерусском, древнеболгарском¹ языках, в современных северно-русских говорах, в русской разговорной речи – член, артикль, местоимение или частицу?

Некоторые ученые отождествляют *-ть* с членом, обосновывая это тем, что устанавливается частичное тождество употребления *-ть* в русском языке с употреблением определенного члена в болгарском языке, артиклем в греческом и других западноевропейских языках [Иванов 1898: 166-168; Буслаев 1959].

Этот факт побудил исследователей считать, что в русском языке существует член как грамматическая категория (А.И.Соболевский, В.А.Богородицкий, М.Г.Халанский и др.). М.Г.Халанский характеризует определенный член как «формальный придаток к слову» [Халанский 1901: 130]. При этом он, отмечая «настолько заметное и внушительное» число случаев употребления члена *-ть* в древнерусском языке, по сравнению с количеством анафорического употребления *-ть*, пишет, что это свидетельствует о том, что в XII-XIV вв. в некоторых говорах выделение члена из случаев анафорического употребления *-ть* уже состоялось [Халанский 1901: 136].

Другие исследователи определяют постпозитивное *-ть* в северно-русских говорах, языке былин как частицу, исторически восходящую к постпозитивному члену и выполняющую функцию усиления речи, выделения, подчеркивания предмета (А.А.Шахматов, П.Я.Черных, В.И.Кодухов, Г.Я.Сими́на, Л.А.Булаховский и др.).

В разговорной речи современного русского языка функционирует постпозитивное *-то*, ср.: *Тебе-то это зачем? В деревню-то я не поеду* и др.

Для постпозитивного *-то* характерно употребление не только при имени существительном, но и при других словах, а также неизменяемость, факультативное употребление, функции выделения, подчеркивания слова, установления анафорической связи. Все это позволяет определить постпозитивное *-то* в разговорной речи современного русского языка как выделительную (усилительную) частицу, имеющую свои особенности значения и функционирования, отличающие ее от артикля и члена [см.: Шапиро 1953: 263-266].

---

¹ Старославянский язык, южнославянский по происхождению, представляет собой древнеболгарский язык [Ходова 1980; Гильфердинг 1892: VIII; Спасова 1994 и др.].

Постпозитивное *-т* отмечено и в русских говорах, в языке русских былин, напр.: *Мы плоха не жыл'и тады в д'ефкх-та ... а вот в бабы-та вышла йа, ни днаво д'ан'очка, рад'имаи, прас'в'ету н'и в'идала; Раньшэ лист-от не броснули – хватало мелузины* (Архангельский областной словарь 1982, т. 2: 136); *Как вперед-от махнет, дак улича, а назад-ту отмахнет, дак переулоцек; У тя мужа-та звали Блудишшам, а сына-та зовут у тя уродишам* (примеры взяты из [Потебня 1985: 171-173; Халанский 1901: 149-155]), ср. в русских былинах: *Да широкой-та Волга под Казань прошла; Садил он и Фому за большой-от стал; Владимирь-тот князь наливал чару зелена вина; Постойка вы за церкви-ты за божны; Но камешке подпись написана: а в дорожку-ту ехать богату быть* (примеры взяты из [Иорданиди 1973]).

Приведенные примеры показывают, что постпозитивное *-т* в русских говорах, былинах употребляется при существительных, прилагательных, местоимениях, наречиях в согласуемой с ними форме. Это отличает *-т* от выделительной частицы и указательного местоимения *тот*, употребляющегося в препозиции и постпозиции и только с существительными. Мы определяем *-т*, функционирующее в говорах, в языке былин, как постпозитивный член.

Н.И.Толстым предложена схема-шкала, выработанная индуктивным путем на основе изучения болгарского литературного языка с наиболее развитой системой члена. С помощью этой модели предполагается решить вопрос о реальном или предполагаемом члене в македонских, родопских, словенских, северно-русских диалектах, древнеболгарском, древнерусском, древнесловенском, серболужицком языках путем подстановки на место конструкции с артиклем конструкций с соответствующим указательным местоимением. Прием подстановки дает объективный критерий установления за генерализирующей функцией (значением) фактора, определяющего наличие (возникновение) или отсутствие категории члена в данном языке или диалекте. Н.И.Толстой считает, что «генерализирующая функция – красная черта на шкале соответствий, разрешающая спор о наличии или отсутствии члена в конкретной грамматической системе» [Толстой 1962: 127].

Эффективность критерия Н.И.Толстого при установлении значения постпозитивного *-т* была проверена в работах С.И.Иорданиди. Проанализировав функции постпозитивного *-т* в языке Аввакума, в русских былинах, в особенности генерализирующую функцию, представленную в исследуемых источниках, согласно наблюдениям автора, достаточно полно, С.И.Иорданиди заключает, что в языке сочинений Аввакума, в былинах функционирует артикль [Иорданиди 1973: 26; 1978: 183].

Употребление постпозитивного члена *-ть* в сочинениях Аввакума привлекает наибольшее внимание всех исследователей этого явления, поскольку материал произведений Аввакума представляет собой одно из самых надежных и бесспорных доказательств существования постпозитивного члена в древнерусском языке [см.: Иванов 1898; Кодухов 1953: 129; Милетич 1901: 32-35; Иорданиди 1978; Халанский 1901; Черных 1927; Чичагов 1939 и др.].

С.И.Иорданиди, используя шкалу Н.И.Толстого, приходит к заключению, что в языке Аввакума функционирует артикль, который для севернорусских говоров XVII в. был реальным артиклем, но, претерпев известные изменения функционального плана, обусловливаемые внутренними устремлениями системы языка, начинает широко употребляться с различными частями речи и не получает дальнейшего распространения в артиклевом значении, оставаясь частицей и войдя в таком амплуа в русский литературный язык [Иорданиди 1978: 183-184].

Думается, что мнение С.И.Иорданиди относительно дальнейшей истории постпозитивного *-тъ* и функционирования его как частицы в русском литературном языке верно, однако определение *-тъ* в языке сочинений Аввакума как артикля представляется едва ли правомерным.

В.И.Кодухов, принимая за методологическую основу положение о том, что любое грамматическое явление необходимо увязывать с грамматическим строем языка в целом, заключает, что вопрос о грамматическом члене русского языка должен решаться не только в плане сопоставления его с артиклем, а в первую очередь – в плане установления и определения своеобразия этого явления в грамматическом строе русского языка и его диалектов. Анализ функционирования *-тъ* в сочинениях Аввакума привел исследователя к выводу о том, что в русском языке того времени грамматический член не существовал: «Постпозитивного члена в смысле артикля западноевропейских языков и члена болгарского или греческого языков в русском языке не было и нет» [Кодухов 1953: 150]. Этот вывод делается им на основе изучения всей совокупности языковых явлений, а не подведения отдельных фактов под грамматический член и объявления «неудобных» фактов «неправильностью», как это делалось В.Ивановым [см.: Иванов 1898].

Основной функцией артикля является указание на тип референции, существительное с артиклем выражает значение определенности и неопределенности. При этом важно подчеркнуть, что значения определенности и неопределенности, выражаемые артиклями, непосредственно связаны с речевым актом – обозначением предмета как известного или неизвестного слушающему.

Постпозитивный член *-тъ* имеет значение, сходное со значением артиклей, что объясняется их генетическим тождеством, однако последовательности, регулярности в выражении членом значения определенности не наблюдается (ср. употребление его с усилительно-выделительным значением). Если артикль употребляется в роли именного определителя, то постпозитивный член встречается не только при существительных, но и при местоимениях и прилагательных.

О функционировании указательных местоимений в доисторическую эпоху можно строить предположения. На основе имеющихся данных в разных языках можно судить о том, что в индоевропейском языке указательные местоимения могли употребляться в препозиции и постпозиции, ср.: лат. *is-te, is-ta, is-tud* ('этот, тот'), гот. *pana* ('этого'), *pata* ('это'), сербохорв. *emo тебе* ('то тебе'), *emo* ('там'), *maj* ('тот'), др.-сев.-герм. *bordet* (= *der Tisch, стол-омъ*); ср.: рус. *сей-час, сего-дня* и др. [Степанов

1989: 116, 126-128; Мейе 1951: 353; Халанский 1901: 160-163; Толстой 1973 и др.].

История постпозитивного члена в русском языке, как и в болгарском, начинается случаями постпозитивного употребления указательных местоимений *тъ* и *сь* в древнеболгарских памятниках.

В древнерусском языке указательные местоимения употреблялись в двух функциях: 1) собственно указательной (дейктической) и 2) анафорической (релятивной, соотносительной). По сравнению с современным русским языком, постпозитивные местоимения *тъ*, *сь* в древнерусском языке употреблялись чаще, но при этом они все же уступали препозитивным и получали дополнительную семантико-синтаксическую нагрузку. Постпозиция указательного местоимения «служит, главным образом, для выражения его релятивной функции» [Якубинский 1953: 195; Кодухов 1953: 133; Элсберг 1967: 35; Мейе 1951: 383-383 и др.].

1. В древнерусском языке употреблялись постпозитивные местоимения *тъ*, *сь* в указательной (дейктической) функции, напр.: *И сходя же с ним в Печеру ископа гробъ себѣ и рече сириянину: «Кто наю паче възлюбит гробъ сий?»* (Киево-Печерский патерик, с. 447); *Глаголя ... блаженный: «Иди, съглядатай въ сусѣцѣхъ, еда... въ немъ, доньдеже пакы господь попечеться нами». Онъ же въдяшеся, яко и помель бѣ сусѣкъ ть и въ единъ угълъ мало отрубъ... азъ самъ пометохъ сусѣкъ ть, и нѣсть въ немъ ничьсо же, развѣ мало отрубъ въ угълѣ единомъ* (Киево-Печерский патерик, с. 447). В приведенных контекстах постпозитивные местоимения *тъ* и *сь* указывают на лицо (предмет), который находится в поле зрения говорящего и слушающего, и характеризуют объект через его отношение к ситуации.

2. Постпозитивные местоимения *тъ*, *сь* употреблялись в анафорической функции:

а) прямая анафора: *И се пакы инъ боляринъ того же христолюбця идый нѣколи съ князьмъ своимъ христолюбцьмъ на ратьня..., обѣцася въ умѣ своемъ... Боляринъ же забысть еже дастъ святѣй богородици... Тъгда же боляринъ ть въ страсѣ бывъ, таче възъмъ. Имъ же бѣ обѣцался несь въ манастырь... И се же пакы по дньхъ немногѣхъ умысли ть же боляринъ дати евангелие въ манастырь блаженааго* (Житие Феодосия Печерского, с. 258-259);

б) косвенная анафора: *(кнзь) сталъ бо бѣ на горѣ надъ рѣкою надъ калкомъ, бѣ бо мѣсто то камънисто... (Новгородская 1 летопись, с. 78); Се бо малы възспранувъ ужаси, начахъ прилѣжъно бога молити и часто поклонение колѣномъ творити, и тако отбеже отъ мене страхъ ть якоже отъ того часа не бояти ми ся ихъ, аще предъ очима моима являхуть ми ся* (Житие Феодосия Печерского, с. 258-259).

Местоимения *тъ*, *сь* не столько указывают, сколько отсылают к уже сказанному, потому известному (боярин, который обещал дать евангелие; место на горе над рекой Калкой). В этом случае вышеупомянутая инфор-

мация, как образно выразился У.Чейф, уже «носится в воздухе» и представляет собой своего рода отправной пункт, с которым связывается новая информация [Чейф 1975: 242]. Если дейксис представляет собой указание на нечто экстралингвистическое, «на элемент чувственной ситуации», то анафора указывает «на слово» (внутриязыковое, грамматическое указание) [Стернин 1972: 31; см. также: Падучева 1996: 270]. Таким образом, анафора представляет собой средство связи предмета речи с предыдущим текстом, ср. использование различных референтных выражений для обозначения одного и того же предмета (антецедента): *инь боляринь, боляринь же, боляринь ть, ть же боляринь*.

Определяемое имя существительное благодаря фонетически примыкающему к нему местоимению становится выделенным, подчеркнутым. Поэтому постпозитивное местоимение, выполняя анафорическую функцию, вместе с тем играет роль выделительно-усилительного слова. В дальнейшей истории постпозитивные местоимения ослабляли свое указательное (дейктическое) значение и получали дополнительное значение, что в последующей истории языка приведет к превращению местоимения в постпозитивный член или в частицу.

Возможность возникновения определенного члена и в русском, и в болгарском языках создалась после падения редуцированных. В формах мужского рода *тъ, съ* редуцированные *ъ, ь* под ударением должны были «проясниться», в результате чего они совпали с формами среднего рода *то, се*. Омонимия этих форм разрешилась путем удвоения основ *тътъ > тотъ, съсь > сесь* или образования форм *тои (тъи), сеи (сии)* для выражения значения мужского рода; ср. в «Повести временных лет»: *И беше Варягъ единь, и бѣ дворъ его... бѣ же Варягъ ть пришьль из Грькъ* (Повесть временных лет, с. 99), в Лаврентьевской летописи: *варягъ то*, в Ипатьевской: *варягъ тъи* [Шахматов 1916: 5, 99].

Л.П.Якубинский отмечает, что новая препозитивная форма указательного местоимения *тот, та, то* оформилась как особая, отличная от постпозитивного (чаще всего анафорического) *тъ, та, то*, в результате чего создалась возможность развития из постпозитивного указательного местоимения определенного члена [Якубинский 1953: 197].

Указательное местоимение, находясь в конце слова, в результате падения редуцированных переходило в *-т*: *домъ-тъ > домо-тъ > дом-отъ*, ср.: *И нача княжити Володимерь въ Кыевъ единь, и постави кумиры на хълмъ, вьнь двора теремнаго... И жьряху имь, наричюще я богы, и привожаху сыны своя и дъщери, жьряху бѣсомь, и осквѣрняху землю требами своими; и осквѣрнися крѣвьми земля русьская и хълмъ ть* (Повесть временных лет, с. 95).

Таким образом, постпозитивные указательные местоимения закрепились в формах *тъ (отъ), та, то* рядом с препозитивными *тот (той), та, то*. Следует подчеркнуть, что употребление местоимения *съ* в постпозиции – явление редкое и исключительное, что объясняется, как считает М.Г.Халанский, его книжным характером, навеянным старославянскими памятниками [Халанский 1901: 135]. Нам думается, что здесь есть причи-

ны и другого характера. Местоимение *тъ* имело значение общего, нейтрального указания и часто использовалось в анафорической функции – отсылки к уже указанному, известному. Именно поэтому в одних славянских языках оно получило значение ‘тот’, а в других ‘этот’, ср.: польск., словен. *ta, ta, to* ‘этот’; в.-луж. *ton, ta, to* ‘этот’; чешск. *ten, to, to* ‘этот’. Местоимение *сь*, в отличие от *тъ*, указывало на ближайший предмет (‘этот’), поэтому такая специализация его значения не позволяла ему широко употребляться в анафорической функции.

Следует отметить, что функционировавшие в древнерусском языке местоимения *тъ, та, то* (реже *сь, ся, се*) в постпозиции претерпели функциональные изменения, и в XVII в. они употребляются с разными частями речи в анафорической функции, постепенно приобретая членный характер. В современном русском языке (в разговорной речи, русских диалектах) элемент *то*, потеряв функцию члена, грамматическую изменяемость, выступает в роли выделительно-усилительной частицы. Справедливы слова Л.П.Якубинского: «В русском языке категория определенного члена *т, та, то* не получила развития, осталась в зародыше, и в современных диалектах мы имеем ее полное разложение» [Якубинский 1953: 197].

В древнеболгарских памятниках отмечается употребление постпозитивных местоимений *тъ, съ* в анафорической функции. При этом они часто употребляются в соответствии с греческими указательными местоимениями. Напр., в Остромировом евангелии:

Еда кѣто отъ кѣнязь вѣрова вѣнь ли отъ фарисеи, нѣ народъ съ, иже не вѣсть закона, проклѣти сѣть (Остромирово евангелие, с. 55) – Ἐλλ’ὁ ὄχλος οὗτος ὁ μὴ γινώσκων τὸν νόμον;

Тогда гла рабомъ своимъ... елико аще обрѣщете, призовѣте на бракъ.

И шьдѣше раби ти на пѣти събѣрашѣ въсѣ (Остромирово евангелие, с. 55) – καὶ ἐξελθόντες οἱ δούλοι ἐκεῖνοι εἰς τὰς ὁδοὺς.

В древнеболгарском языке постпозитивные местоимения имели анафорическое значение: *мънии снѣ отиде на странѣ далече... бысть гладъ крѣпкъ на странѣ мои; ... ако же члкъ отъходѣ призѣва рабы своѣ... и по мнозѣхъ же врѣменѣ приде гь рабъ тѣхъ* (Саввина книга, 23; см.: [Вайан 1952: 169; Хабургаев 1986: 164; Шевелева 1997: 70]).

Однако в употреблении древнеболгарских постпозитивных указательных местоимений *тъ, съ* строгого соответствия указательным местоимениям, артиклям греческих оригиналов не наблюдалось. Это отмечается в переводных церковнославянских текстах, напр. в «Житии Саввы Освященного»:

1) *оукротисѣ мѣсто* – ἡμερώθη ο τόπος;

2) *И доселѣ есть вода та посрѣдѣ лавры* – καὶ ἰδοὺ μέχρι τοῦ νῦν ἐστὶ τὸ ὕδωρ κατὰ τὸ μέσον τῆς λαύρας;

3) *Ицѣлѣ отроковица от того ча* – ἀπὸ τῆς ὥρας ἐκείνης (примеры взяты из [Халанский 1901: 133]).

Древнегреческому артиклю соответствует форма без местоимения (1) или с постпозитивным местоимением (2), древнегреческому указательному местоимению соответствует препозитивное указательное местоимение (3).

Думается, что говорить о наличии в древнеболгарском языке постпозитивного члена (Л.Милетич [Милетич 1901: 7, 9, 25], Ф.Миклошич [следствие «рабского подражания греческому» – Миклошич 1879: 85], М.Г.Халанский и др.), тем более артикля, нет оснований, ибо грамматические особенности, функции и значения этой единицы в древнеболгарском языке аналогичны условиям ее употребления в древнерусском языке. Ср.: «Те, кто видит здесь член, находятся под наваждением современного болгарского языка» [Якубинский 1953: 195], а также: «В старославянском категории члена не было» [Толстой 1962: 127; см. также: Толстой 1973: 56; Кодухов 1953: 122].

Освещая вопрос о постпозитивном указательном местоимении древнерусского и древнеболгарского языков, нельзя не обратиться к такому специфическому явлению болгарского языка, отличающему его от других славянских языков, как определенный член. Эта проблема особенно важна как в плане рассмотрения дальнейшей эволюции славянского постпозитивного *-тъ*, имеющего особую судьбу в болгарском языке, так и в плане типологического изучения древнерусского, древнеболгарского языков, способов выражения категории определенности/ неопределенности в особенности.

Проблема происхождения члена в болгарском языке остается дискуссионной. Высказывалось мнение, что определенный член болгарского языка и постпозитивный *-тъ* русского языка – явление, ведущее свою историю еще с эпохи общеславянского единства и являющееся остатком старого сложного склонения существительных, которое существовало по аналогии со сложным склонением прилагательных (Л.Милетич, Ф.В.Ржига).

Другие исследователи возникновения болгарского члена объясняют влиянием греческого или соседних румынского и албанского языков, в которых есть постпозитивный член-артикл, поскольку это явление ограничилось болгарско-македонской областью [Мейе 1951: 383-384; Спасова 1994: 98; Харалампиев 1994: 55-56 и др.]. Ф.Миклошич в возникновении члена видел влияние иллирийского языка, палеобалканского, наиболее близкого к албанскому языку [Miklosich 1883: 126, 127].

Однако обе точки зрения на происхождение болгарского члена не подтверждаются ни историей болгарского языка, ни материалами других славянских языков. Думается, рассматриваемая выше тенденция развития постпозитивных указательных местоимений в древнерусском языке позволит в какой-то мере наметить пути исследования этой проблемы. История развития члена в болгарском языке выявляет сходные, аналогичные тенденции развития этого явления в древнерусском языке, что неоднократно подчеркивалось в работах М.Г.Халанского, Л.Милетича, В.Иванова, А.Мейе, Л.П.Якубинского, П.Я.Черных, Г.А.Хабургаева, С.И.Иорданиди, В.И.Кодухова, А.М.Селищева и др.

В исследованиях болгарских ученых (А.Минчевой, К.Мирчева, П.Асеновой, И.Харалампиева, И.Гылыбова, М.С.Младенова, Б.Цонева, В.Георгиева, М.Спасовой, С.Стоянова и др.) начальный этап функционирования члена как основного средства выражения определенности болгарского языка рассматривается на материале древнеболгарских, староболгарских текстов в сопоставлении с греческими оригиналами.

М.Спасова для определения функции (дейктической или анафорической) указательных местоимений древнеболгарского, староболгарского языка сопоставляет переводы слов Григория Богослова XI в. (староболгарские) и XIV-XV вв. (среднеболгарские). Отсутствие указательного местоимения в среднеболгарском переводе свидетельствует о том, что книжник XIV в. воспринимал его как ненормативное языковое явление и что в староболгарском языке это местоимение имело анафорическое значение. Наличие же указательного местоимения в среднеболгарском переводе говорило о его дейктической функции в староболгарский период. Напр.:

Σκωνω δέ κακεينو ότι τω μέν αναγλαιος ήν ουτος ό καιρός του βαπτισματος –

XI в.: *съмошрю же и сего ако томоу ноуждѣна бѣше година та кръщению;*

XIV в.: *смагрѣж же оно, еже ово ако потрѣбно бѣше се врѣмѣ кръщению* [Спасова 1994: 91].

В греческом тексте содержится сочетание указательного местоимения и существительного с артиклем (ουτος ό καιρος), на староболгарский язык оно переводится существительным с постпозитивным указательным местоимением (*година та*), на среднеболгарский – существительным с препозитивным указательным местоимением (*се врѣмѣ*). Это говорит о том, что *тъ, съ* являются указательными местоимениями в дейктической функции. Обычной для указательного местоимения, имеющего дейктическое значение, являлась препозиция, поэтому случаи употребления его в постпозиции очень редки. Эта особенность была отмечена и А.Мейе: «Если указательным местоимениям придают особое значение, то они предшествуют имени; если же значение их ослаблено, то они следуют за именем» [Мейе 1951: 383], ср.: *съ родъ* ('именно этот род'), *родось* ('этот род'). Отсутствие в среднеболгарском переводе *тъ, съ* подтверждает, что эти местоимения в староболгарском языке имели анафорическую функцию и приближались в употреблении к члену. При этом обычной для них была постпозиция. М.Спасова переводит членные формы («несъмнената членувата форма»):

του αληθινου φωτος, του φωτιζοντος παντα ανθρωπων ερχομενον εις τόν κόσμον –

XI в.: *истоваго свѣта, свѣтѣщаго всѣакого члѣка грѣдуцаго в мирось;*

XIV в.: *истиннаго свѣта просвѣщащаго всѣко² члѣка приходѣщааго въ миръ* [Спасова 1994: 95].

Итак, наличие *тъ, съ* в древнеболгарских и среднеболгарских переводах греческих текстов говорит о том, что это указательное местоимение в

дейктической функции (обычно в препозиции), отсутствие же его в среднеболгарском переводе свидетельствует об анафорической функции этих местоимений, которые в последующей истории развития языка формируют категорию определенного члена.

При этом М.Спасова отмечает, что членные формы являются принадлежностью разговорной речи, они в XIV в. воспринимались как ненормативные («некнижново езиково явление»), доказательством чего служит пропуск *тъ, съ* в среднеболгарских переводах («членуването през XIV в. се възприема от книжовниците като езиково явление извън нормата») [Спасова 1994: 95].

Значит, в древнеболгарском (староболгарском) языке, как и в древнерусском, было лишь препозитивное (в собственно указательной, дейктической функции) и постпозитивное (чаще в анафорической функции) употребление местоимений *тъ, съ* [Грамматика на старобългарския език 1991: 554]. В результате падения редуцированных и появления особой постпозитивной формы указательных местоимений с анафорической функцией создается возможность возникновения определенного члена в болгарском языке². Закрепление этой тенденции именно в болгарском языке обусловлено, по мнению многих исследователей, утратой болгарским языком именного склонения [см.: Мейе 1951: 384; Черных 1927: 57; Ивановская 1955].

Интересны сопоставления «Остромирова евангелия» – древнерусского памятника XI в. – с текстом евангелия на современном болгарском языке. Указательное местоимение *тъ* переводится на болгарский язык указательным местоимением (1), существительное без указательного местоимения переводится существительным с определенным членом (2):

(1) ...лютѣ же **чловѣкоу томоу**, имъже сынъ чловѣчьскыи прѣдаетьса! (Остромирово евангелие, XIV) – ...а горко **на тогози чловѣка**, чрѣзъ когото Сынъ чловѣческый ще бжде прѣдаденъ! (Остромирово евангелие, XXII);

Можаше бо **се муро** продано бытии на мнозѣ, и дано бытии **нициимъ** (Остромирово евангелие, XIII) – Защото **това миро** можание да ся продаде на голъмъ цѣнъ, и да ся раздаде **на сиромаси-тѣ** (Остромирово евангелие, XXII);

(2) ...**рабъ** бо не вѣсть, что творить господь его... (Остромирово евангелие, XII) – ...защото **рабъ-тъ** не знае, що прави **господарь-тъ** му... (Остромирово евангелие, XXI);

...**оучитель** глаголетъ: **врѣмъ** мое близъ есть... (Остромирово евангелие, XIV) – **Учитель-тъ** казува: **врѣме-то** ми е близу... (Остромирово евангелие, XXII) [Гильфердинг 1892].

В современном болгарском языке употребляется определенный член как грамматическая категория, он возник из указательных местоимений,

² Подробнее об определенном члене современного болгарского языка см.: [Андрейчин 1949: 97-100 и далее; Ивановская 1955; Харалапиев 1994] и др.

постепенно утративших свое прямое (указательное, дейктическое) значение и сохранившихся только в качестве отвлеченных показателей определенности предмета.

Таким образом, в последующей истории древнерусского языка постпозитивное *-тъ* стало выполнять функции усилительно-выделительной частицы (в современной разговорной речи), постпозитивного члена (в русских говорах, языке былин), чему способствовали его анафорическая функция, универсальность и нейтральность значения.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрейчин 1949 – *Андрейчин Л.* Грамматика болгарского языка. М., 1949.
- Буслаев 1959 – *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959.
- Вайан 1952 – *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М.: Изд-во иностр. литер., 1952.
- Гильфердинг 1892 – *Гильфердинг А.* Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий. СПб., 1892.
- Грамматика на старобългарския език 1991 – Грамматика на старобългарския език: Фонетика. Морфология. Синтаксис. София: Изд-во БАН, 1991.
- Иванов 1898 – *Иванов В.* Об употреблении члена в сочинениях протопопа Аввакума // Русский филологический вестник. Т. 39. № 1-2. Варшава, 1898.
- Ивановская 1955 – *Ивановская Л.П.* Значение и употребление определенного члена в современном болгарском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1955.
- Иорданиди 1973 – *Иорданиди С.И.* Основа выделения определенного артикля и семантика постпозитивного *-т* в языке былин. Тбилиси, 1973.
- Иорданиди 1978 – *Иорданиди С.И.* Из наблюдений над употреблением постпозитивного *-т* в русском языке XVII в. (на материале сочинений Аввакума) // Исследования по исторической морфологии русского языка. М.: Наука, 1978.
- Кодухов 1953 – *Кодухов В.И.* К вопросу о «постпозитивном члене» в русском языке // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А.И.Герцена. Т. 29. Л., 1953.
- Мейе 1951 – *Мейе А.* Общеславянский язык. М.: Изд-во иностр. литер., 1951.
- Miklosich 1883 – Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. IV: Syntax. Wien, 1883.
- Милетич 1901 – *Милетич Л.* Членът в българския и в руския език // Сборник за народни умотворения. Т. XVIII. София, 1901.
- Обнорский 1946 – *Обнорский С.П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.: Изд-во АН СССР, 1946.
- Падучева 1996 – *Падучева Е.В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996.

- Потебня 1985 – *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. IV. М.: Просвещение, 1985.
- Спасова 1994 – *Спасова М.* Към въпроса за възникването на членната форма в българския език // Лингвистични студии. Велико Търново, 1994.
- Степанов 1989 – *Степанов Ю.С.* Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1989.
- Стернин 1972 – *Стернин И.А.* К понятию дейксиса // Историко-типологические и синхронно-типологические исследования (на материале языков разных систем). М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1972.
- Толстой 1962 – *Толстой Н.И.* Опыт типологической характеристики славянского члена-артикла // Всесоюзная конференция по славянской филологии: Тезисы конференции. Л., 1962.
- Толстой 1973 – *Толстой Н.И.* Из наблюдений над членом-артиклом и указательным местоимением в южнославянских диалектах // Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков. М.: Наука, 1973.
- Хабургаев 1986 – *Хабургаев Г.А.* Старославянский язык. М.: Просвещение, 1986.
- Халанский 1901 – *Халанский М.* О члене в русском языке // Известия ОРЯС. Т. VI. Кн. 3. СПб., 1901.
- Харалампиев 1994 – *Харалампиев И.* Българските членни форми – минало, настояще и бъдеще // Лингвистични студии. Велико Търново, 1994.
- Чейф 1975 – *Чейф У.Л.* Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975.
- Черных 1927 – *Черных П.Я.* Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия. Иркутск, 1927.
- Чичагов 1939 – *Чичагов В.Н.* Членные формы в русском и болгарском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1939.
- Шапиро 1953 – *Шапиро А.Б.* Очерки по синтаксису русских народных говоров. М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1953.
- Шахматов 1916 – *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916.
- Шевелева 1997 – *Шевелева М.Н.* Старославянский язык. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Диалог-МГУ, 1997.
- Элсберг 1967 – *Элсберг И.Я.* Значение и употребление постпозитивного указательного местоимения *тъ* в русском литературном языке XII-XVIII вв. // Ученые записки Латвийского ун-та. Рига, 1967.
- Якубинский 1953 – *Якубинский Л.П.* История древнерусского языка. М.: Учпедгиз, 1953.

ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Житие Феодосия Печерского // Повести Древней Руси (XI-XII вв.). Л., 1983.
- Киево-Печерский патерик // Повести Древней Руси (XI-XII вв.). Л., 1983.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Наука, 1950.

З.К.Сабитова

Остромирово евангелие / Изд. А.Х.Востоков. М., 1991.

Саввина книга // Памятники старославянского языка. Т. I. Вып. 2. СПб., 1903.

Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916.